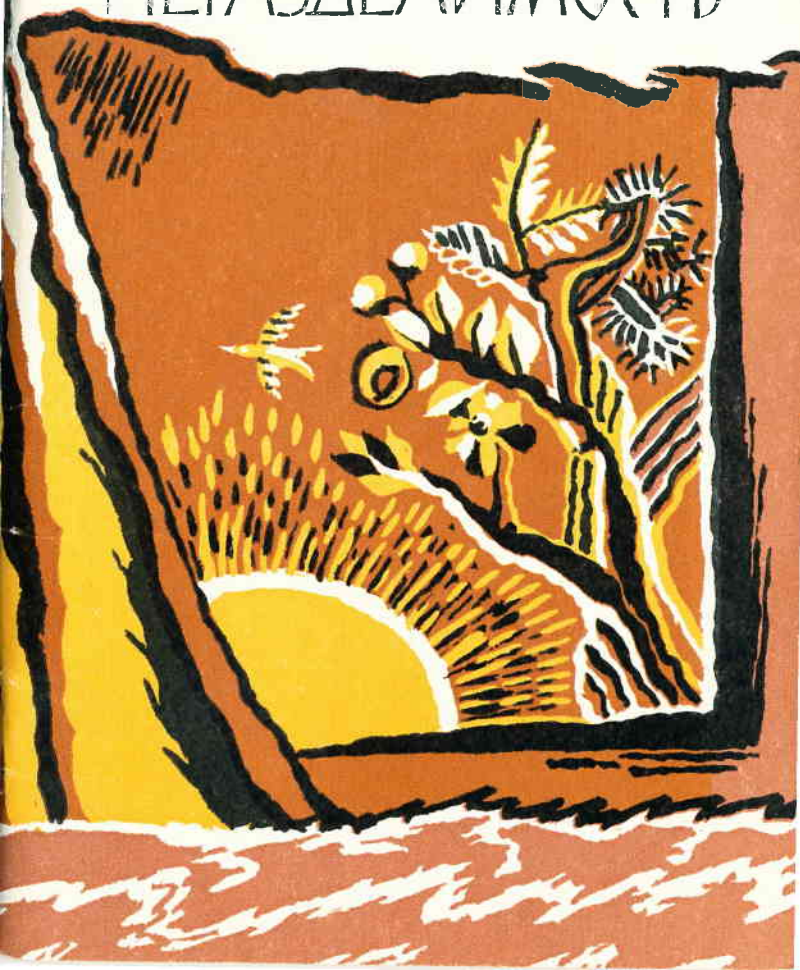

БОРИС ТАНКИН

НЕРАЗДЕЛИМОСТЬ

БОРИС ТАНКИН
НЕРАЗДЕЛИМОСТЬ

СТИХИ

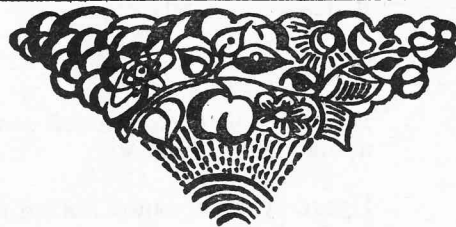
Минск
«Мастацкая літаратура»
1982

Р 2
Г 19

Рецензент Вера Вярба

Г 70402—006 45—82 4702010200
М 302(05)—82

© Издательство «Мастацкая літаратура», 1982.

* * *

Когда поймешь,
как связь крепка,
как сцеплены с тобой
и очень древние века,
и близкий день любой;

когда из старых кирпичей
построишь новый дом —

тогда поймешь, и сам ты ЧЕЙ,
и ЧЬЯ земля кругом.

Строки причудливая вязь,
далеких лет прибой...
Пусть будет неразрывной связь
прошедшего с тобой!

Пусть будет прочной жизни нить,
чтоб каждый жизни час
с грядущим мог соединить
неразделимо нас!

I

ИЗ МАЯ В МАЙ

* * *

Памяти наперерез —
прямо через зимний лес,
через осень,
через лето —
в май,
огнями разогретый:
развеселый месяц май,
при-ни-май!

Принимай таким, как есть —
я в тебя вливаюсь весь,
я в ручьи твои гляжу,
в синеву твою вхожу,
песню чистую твою
Я пою.

И храню в душе при этом,
что любил зимой и летом.
Но, окутан синевой,
я сегодня — только твой.
Здравствуй, синеглазый май,
при-ни-май!

* * *

Как опара свежего замеса,
утро из почной дежи растет.
Песня птиц — торжественная
месса —
над землей проснувшейся плывет.

В сердце — ощущение полета.
Час рассвета — добрый старт
трудов!

На костре зари хлеба без счета
для друзей я выпекаю готов.

* * *

Зеленотканые луга,
леса зеленотканые.
Лежит дорога, далека.
Плывут над нею облака
и зори первозданные.

За неширокой синь-рекой
мне встретится печально
тот удивительный покой,
густой живительный настой,
к которым долгою зимой
стремился я отчаянно.

И, повалившись на траву,
раскину руки в стороны,
сквозь зелень листьев в синеву
смотрю и думаю:
«Живу!
И как же это здорово!»

* * *

Был такой обычай:
тяжелыми ставнями
на ночь окна хаты
крепко затворять.
И велась традиция
со времени давнего:
в ставнях по сердечку
насквозь прорезать.
Затворялись на ночь
от дурного глаза.
А сердечко в ставне
резали не зря:
зародившись, в хату
проникала сразу
ручейком прозрачным
алая заря.
Рады ей сердечно —
оттого сердечко.

...Времена иные —
ставен нынче пет.
И, когда приходит
потихоньку вечер,
окна льют навстречу
яркий теплый свет.
Так оно, конечно,
правильней и лучше.
Хорошо еще бы, что ни говори:
нараспашку — окна,
нараспашку — души,
каждому — потоком! —
добрый свет зари.

* * *

Будто быстрый табун
с оглушительным топотом
где-то в небе промчался —
и скрылся вдали.
Имя милой моей лишь промолвил я шепотом,
гром подслушал —
понес по пространствам земли!
Лес его повторил.
И река повторила.
Новой молнии росчерк его написал.
Тайну сердца
гроза всем живущим раскрыла —
а ведь я от себя эту тайну скрывал.
И тогда закричал я:
«Люблю!» —
и, конечно,
подхватила и это признание гроза.

«Любит!» —
капли запели на травах приречных,
«Любит!» —
вдруг зашумели за речкой леса.
Дождь хлестал.
Гром катился.
Душа ликовала.
Имя было —
как песня,
как гимн,
как призыв...
Только милая
так ничего
и не знала:
испугавшись,
упряталась
в дом от грозы.

* * *

Вот и ты покатила-поехала,
оставляя меня одного...
Бродит песня ли грустная,
эхо ли —
больше нет на земле никого.

И по шпалам бежать бесполезно:
стрелки наши пути развели
с равнодушьем каким-то железным
в слишком разные дали земли.

СНЫ

Ничего не осталось от детства.
Разве что получил в наследство
горечь памяти,
цепь разлук.
Расставался с годами небрежно, —
так легко,
как будто с одеждой,
из которой я вырос вдруг.
Ничего не осталось...

А ночью
все последние годы
очень
часто
будят, тревожат меня
стол,
сколоченный мамой из досок,
и топчан,
удивительно жесткий,
и буржуйка —
гнездо огня.
Или вспомнится вдруг коптилка —
фитилька самодельного жилка.
Десять спичек —
на счет они...

Память, память...
Цепкие клещи.
Снятся часто
старые вещи —
антикварные вещи войны.

ПОСЛЕВОЕННОЕ ЧТЕНИЕ

Некормленное тело позабыв,
душа моя карабкалась по строчкам,
глотаю книги до последней точки
и жизнь иную для себя открыв.

В той жизни было все,
о чем мечтать
душа моя не смела в сорок пятом.
Не все в ней было близким и понятным,
но как был сладок сам процесс:
ЧИТАТЬ!

Перебирать слова,
познав их власть,
отдаться их течению и кипению,
услышать слов таинственное пенье
и надышаться их озоном всласть!

Там,
отзываясь на певучий звук,
в промерзшей комнатухе сердце цело,
и все мое некормленное тело
победной силой наливалось вдруг.

КИНОХРОНИКА СОРОК ЧЕТВЕРТОГО

Очередь из автомата,
черный дым гранат.
Бросились вперед солдаты
в здание, как в ад.
А еще через минуту
я увидел их.

Не было лишь почему-то
в кадре пятерых..*

И тогда щемящей силой,
вспышкой огня
боль забытая пронзила
и вошла в меня.
Вновь гудит все тот же ветер,
города — в огне.

Две минуты кадры эти.
Боль навек — во мне.

ПУЛКОВО

На Пулковских высотах неба нет:
багровый дым, метель и пепелища.
На Пулковских высотах гаснет свет,
и ветры над развалинами свищут.
Но за спиной, наперекор врагам,
стоит прекрасный и любимый город.
Под логово врага меридиан
протянут,
словно тонкий шнур бикфордов...

На Пулковских высотах — тишина.
Недремлющие маги-астрономы
колдуют здесь без отдыха и сна
и постигают вечности законы.
Устало засыпает Ленинград.
И в этот час, таинственный и поздний,
на обелисках золотом горят
российские немеркнущие звезды.

* * *

В тылу,
в Ката-Кургане изможденном,
от холода и тифа истощенном,
девчонка —
та, что мне любимой стала,
когда уже война отгрохотала,
когда мы повзрослели —

та девчонка

в бреду металась.
Тонкая ручонка
бессильно на пол падала с кровати...
Смерть, усмехаясь, подошла к палате.
Но люди милой умереть не дали!
Спасибо.

Ведь они тогда спасали
меня,

и сыновей моих,

и внуков.

Их мужество —

и для меня наука,

их доброта —

и мне пример извечный:

стой до конца,

в беде будь человечным!

Но грусть, как тучка, наползает часто:
о тех, кто так и не увидел счастья,
не выжил,

никогда не стал любимым —

и эта память жаром нестерпимым
горит во мне

и душу прожигает...

Пусть наши дети этого не знают!

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Безногий инвалид
у мокрого крыльца.
И виноватый вид
фронтовика-отца,
как будто в чем-то был
отец мой виноват,
что ноги перебил
товарищу снаряд...
А тот что было сил
руками землю жмет —
и вот уж покати
на «досточке» вперед.
Подшипники скрипят —
и входит скрип в меня.
Медалей пестрый ряд
качается, звеня.
Передохнул чуть-чуть —
и катится опять.

...Ах, разве в этом суть,
чтоб жалостно писать?!
Суть в том,

как хохотал,
как весело глядел,
как он одолевал
и раздвигал предел.
Суть в том,

что он катил
все дальше с каждым днем:
видать,

все больше сил
и жизни было в нем.
Суть в том,

что жизнь текла:

он возвращался в дом,
где женщина ждала
с любовью и теплом.
Суть в том,

что в трудный час
он всем нам помогал:
для каждого из нас
пределы раздвигал.

НА МАМАЕВОМ КУРГАНЕ

На той стене,
где бой ведут солдаты,
где горячи и ныне автоматы —
лицо отца увидел я внезапно:
с товарищами рядом был отец..
И знал я:

он придет живым!

А все же
здесь,

где отец мой был меня моложе,
горели камни

и свистел свинец.

А голос Левитана прорывался
сквозь грохот боя,

где отец мой дрался —
и торжество победы было в нем.
Вновь радовался я и прятал слезы,
вновь память по спине текла морозом
и сердце жгла

живительным огнем.

К потоку времени устами жадными
спешу припасть,
спешу припасть...

И сам я глубже стал,
и, верно, лучше стал,
впитал и солнца свет,
и лунный свет.
Почем фунт лиха знал,
и путь на кручи стал,
такое счастье знал,
что лучше нет.

Но не насытился,
не успокоился,
круговороты дней влекут опять.
И недоступные,
как в детстве, полюсы
мешают спать,
мешают спать.

* * *

Опять весенние рассветы
в пути далекие зовут,
и снова водопады где-то
на солнце сотни радуг льют.

Бежит по склону ветер шалый,
рвет в клочья языки огня,
а горы в белоснежных шаялах
нетерпеливо ждут меня.

ЗАМЕРЗШИЕ ВОДОПАДЫ

Гигантским слепком водопада —
льда кружевная колоннада
и зимняя та тишина,
когда вода угомонилась,
когда она под лед укрылась
и нам отныне не слышна.

А мы врубаемся со звоном
в лед, переполненный озоном —
и дышим, дышим горячо!
Наш путь — наверх по водопаду.
А где-то рядом, где-то рядом
есть друга теплое плечо.

ВЕЧЕРОМ

Уходит день, сторая понемногу.
Еще мгновенье — унесет закат
размытую потоками дорогу,
не пробужденный маем старый сад.
Расстают с ними вековые башни —
угрюмая охрана черных гор...
День нынешний становится вчерашним,
свет солнца превращается в костер.

* * *

Здесь,
где камнепадом угрожает
над тропею вздыбленный утес,

где лавины нас подстерегают,
в полдень — зной,
а к полночи — мороз,
здесь в глаза

друг другу правду режут,
если уж случится крепкий спор,
но камней за пазухой не держат —
а иначе не осилить гор.

* * *

Какой бы взрыв ни пошатнул упруго
земную твердь —
стой на своем всегда:
слова — за друга,
и дела — за друга,
ему — хлеб-соль и чистая вода!

Нас дружба добрым светом осеняет,
и в самый ледяной январский час
очаг ее от холода спасает,
ее тропа выводит к свету нас.

* * *

Как скромны наши матери:
тихо и просто,
незаметные,
сделали все, что могли.
Как щедры:
подарили и солнце, и звезды,

многоцветье
огромной прекрасной земли.
Как светлы наши матери:
сами сгорают,
чтобы светом любви путь для нас освещать.
Как добры наши матери:
все нам прощают,
даже то, что не надо, наверно, прощать...

* * *

Час предвечерний на краю села,
куда на время тишина зашла.
Косые тени,
теплый луг,
река,
прохладное дыханье ветерка,
усталость отработанного дня
и солнце —
рыба в неводе плетня.

НА БАЗАР

По полю, по жаре,
по брустчатке,
скрытой
в тополином серебре,
лето едет на заре
на конях сердитых.

Для коней нелегок путь:
в ноздри пух забился.

Но назад не повернуть:
на возу не что-нибудь,
а лучок с редисом!

Рядом рыжий пес спешит —
старый друг возницы.
Тополиный пух летит,
солнце весело палит,
распевают птицы.

Так и завершили кросс
посреди базара
кони,
тополиный ворс,
добродушный рыжий пес
и возница старый.

ПЛЕС

Октябрьскою порой прозрачной
и мне увидеть довелось
уютный, словно домик дачный,
и очень милый сердцу Плес.
Я шел с каким-то чувством

странным

по склону горки золотой
в живую рощу Левитана
над серой волжскою водой.
И, затаив дыханье, слушал,
как пела шепотом листва
напевом тронувшие душу
свои осенние слова.

И, глядя на берез пожары,
я думал:

«Годы мчатся?.. Пусть!»
Я благодарен роще старой:
осенняя исчезла грусть.
Спасибо Плесу за леченье
и воздухом, и тишиной,
за белое берез свеченье
над вечной волжскою волной,
за чувство полного слиянья
с природой милой мне земли
и за неяркое сиянье
заката раннего вдали.

* * *

Желтых,
красных,
голубых —
сколько красок на мольбертах,
сколько песенок у ветра,
сколько капель дождевых!
Быстрой кистью в эти дни
осень создает картины:
пишет красные осины
и сиреневые пни.
Золотые клены пишет,
травы в росах — серебре...
А потом устало дышит
до рассвета во дворе.

ГОРЬКУШКИ

Поближе к осенней поре
горькушки растут на горе.
Грибы те — не первого сорта,
не всякий грибник их берет:
трудиться придется до пота,
пока из них горечь уйдет.
Но вымочат,
прокипятят,
пять вод переменят подряд,
добавят укропа и перца,
засолят,
зальют маринад —
и вот — похвала им от сердца! —
горькушки охотно едят...

...Поближе к осенней поре
ты часто встаешь на заре.
И бродишь по тихим опушкам,
по горкам сосновым — везде
горькушки, горькушки, горькушки.
К дождям?
К листопаду?
К беде?
Поверь:
не к беде, а к застолью,
богатому хлебом и солью,
к друзьям дорогим и подружкам
веселые сестры-горькушки
растут и растут на горе
поближе к осенней поре.
А осень еще не беда!
Прольется багряное солнце —
от горечи не остается
в полуденный час и следа.

Нам весело:
словно веснушки,
поближе к осенней поре
горькушки, горькушки, горькушки
рассыпаны в мох на горе.

ПРЕДЗИМЬЕ

Заката холодная медь
все небо мгновенно сковала.
Сгорбатился куст, как медведь,
листва его бурю стала.

Серебряный месяца рог
светился на меди безгрешно.
Похрустывал первый ледок:
зима подходила неспешно.

БРУСНИКА

По морозцу,
по морозищу,
по болотцу,
по болотищу
я бруснику — мерзлу ягоду, —
не сбавляя быстрый ход, ищу...

Оседает снег под лыжами,
обнажает кочку рыжую.
а найдется красна ягода —
будто солнце стало ближе мне.

Пусть мороз скрипит и бесится —
с ягодой, что с маем, встретится.
В город милой отнесу ее —
счастьем милая засветится.

* * *

Исподволь, понемногу
удлиняло солнце дорогу,
увеличивало прогулку
по бульварам и переулкам,
по сугробам нетронуто-белым,
да по липам заиндевелым.
Прибавляло минуту — другую...

Глядь, февраль в тишину тугую
рано выпустил алое солнце!
Над троллейбусом солнце песется,
проходную с нами минует —
и душа почему-то ликует,
и работа пошла веселее,
хоть мороз за окном — все злее.

* * *

Дела зимы пошли вдруг прахом.
«Ау, прощайте, песни вьюг!..»

Переоденет мир рубаху
и юным сделается вдруг.

Без сожаления и вздоха,
не вспоминая ни о чем,
летит он в новую эпоху,
веселым солнцем увлечен.

ОНА И Я

Когда наполовину истаяла луна
и половина лета уже ушла от нас,
очнулись мы!
С тревогой шепнула мне она:
«Смотри, уходит лето! И свет почти погас...»
«Ну что ты! — я ответил.—
Не так уж мы бедны:
есть половина лета —

а это целый клад!

И ко всему, как видишь, нам светит
пол-луны...

«Ты счастлив в самом деле?»
«Я в самом деле рад...»

Когда до самой крохи истаяла луна
и лето испарилось —

опять очнулись мы:

«Где наше лето, милый? —

воскликнула она.—

Да и луна погасла!

Мы в окружение тьмы...»

«Ну что ты! — я ответил.—

Не так уж мы бедны:

есть золотая осень —

а это целый клад!

Еще совсем немного, дождемся мы луны...»

«Ты счастлив в самом деле?»

«Я в самом деле рад...»

И совершалось:

луны рождались в тишине,

сменялись поры года —

и было нам тепло.

Казалось мне,

что лето она дарила мне.

Она твердила:

«Милый, с тобой всегда светло...»

А если вдруг тревога

врывалась вихрем к нам,
и обдавало жаром —

не жизнь, а сущий ад! —
как маленькие дети, мы верили словам:

«Ты счастлив в самом деле?»

«Я в самом деле рад...»

* * *

Уже не будет нас.

Но в наших детях

и в наших внуках через много лет
останется и будет жить на свете
любви и ласки животворный свет.

И сами мы, не думая об этом,

несем в себе большой любви заряд
от тех, забытых, бабушек и дедов,
нас полюбивших много лет назад.

* * *

Когда придет пора итоги подводить,
и поседею я,
и от дорог устану,
прошу судьбу меня одним вознаградить:
пускай любимым быть
вовек не перестану!
Пускай в последний час земного бытия
любимая моя —
уже совсем седая —
шепнет:
«Не уходи! Ведь я люблю тебя...» —
и, как последний луч,
вдали потом растает...

* * *

В первоначальный миг
движенья сока,
в тот час,
когда ключом бьет жизнь вокруг,
наверно,
и змее бывает одиноко,
яд ей самой осточертеет вдруг.

Так верится в добро
в минуту пробужденья,
что — если бы сумел! —
как мотылек помчал
на теплый свет луны,
в ольховое свеченье,
и крылья грел у звезд,
и о любви молчал...

II

СОПРИКОСНОВЕНЬЯ

* * *

Людей общенье —
соприкосновенье
планет, миров.

Друзей общенье —
соприкосновенье
рук и умов.

Общенье с милой —
соприкосновенье
душ и сердец.

А без общений,
соприкосновений —
всему конец.

* * *

Чем дальше ухожу
по тропке каменистой,
тем больше дорожу
высоким небом чистым,
и солнцем на снегах,
и синими глазами,
озерами в лесах
и добрыми друзьями.

Чем дальше ухожу,
тем синевы все меньше.
Пока вокруг гляжу —
меня дожди исхлещут.
Испытан на излом,
я не страшусь

ненастья:

пусть зло

осталось злом —

осталось

счастьем счастье!

У КУЛЬМАНА

Ни одна дорога не знакома,
ни один неведом поворот:
вбитые в проекции объемы,
взлет фантазий
и сухой расчет.

Кульмана спокойное движение,
перекрестки линий и кругов...
Как же ты таинственно,
рождение
будущих невиданных станков!

* * *

Натягивая нить сильней,
так, что она гудит струною,
несется ввысь бумажный змей —
творенье,

созданное мною.

Не бог весть как мудрен.
А все ж
неволью счастлив оттого я,
что он — летуч,
что он — хорош,
что связан нитью он тугою
со мной.

Как мальчик, на бегу
кричу восторженно:
«Смотрите!..» —
и вдруг остался только с нитью:
догнать я змея не могу.
Он оторвался и летит...

И жаль.
И все же — слава богу!
Змей высоко.
И сам зенит —
его высокая дорога.

Что змей?
Игрушка.
Пустьячок.
Я знаю радости иные,
когда мной созданный станок
дыханье обретал впервые.
И убеждался каждый раз:
есть тот секрет
в делах, в открытиях,
что нить, связующая нас,
век остается прочной нитью —
она не рвется,
не горит...

Я труд кончаю без печали:
работе дальний путь открыт,
а новая уже в начале!

НАД ДОРОГОЙ

Чтобы камни в какой-то из дней
не сорвались, не рухнули —
тросом
оплетаются грани камней,
оплетаются стены утесов.

Альпинисты на скалах весь день
над дорогой безустали трудятся —

жарит солнце ли,
хмурая ль тень
на обрыве высоком заблудится.

Молот в крючья каленные бьет.
Затекают усталые плечи.
Трос безжалостно кожу сорвет,
сильным пальцам рванувшись
навстречу.

Но ещё один трудный виток,
и еще,
и еще...
И отныне
на дорогу смертельный поток
никогда с грозным криком не хлынет.

ПЕРЕКРЫТИЕ

Перекрытие — как открытие:
открываем в самих себе
мы способность
вершить события,
может, главные в нашей судьбе.

За машиной — машина.
С точностью
самых выверенных часов.
Куб за кубом — в Нурек,
чтоб прочностью
обладал для воды засов.

А поток,
побелев от ярости,

как игрушку,
бетонный куб
все ворочает без усталости,
как шабашник,
нахален и груб.

Но еще
и еще срываются,
и летят кубы,
и стучат.
Вдруг на жалобу
воды пускаются:
о пощаде они кричат.

Только нынче
нас не разжалобить:
эй, ребята,
быстрее давай!
Раз ревет —
то сдастся, стало быть,
подавай, кубы,
поспевай!

И визжат тормоза в истерике,
застывает на кромке МАЗ.
Открываем мы не Америку —
открываем друг друга сейчас:

вот ведь
как умеем трудиться,
так бы
слаженно жить всегда!

...Тихо-тихо теперь струится
по бетонным кубам вода.

ЛЭП В ГОРАХ

Легко,
как бревнышко, опору
несет под брюхом вертолет
над склоном,
где тропинка в гору,
изматывая нас, ползет.

Там,
где корявые березы
стоят у кромки вечных льдов,
где по ночам скрипят морозы,
где днем —

папеvy ручейков,

где снег теснят рододендроны,
а выше — скальный перевал —
там лунный блеск площадки
ровной,
опоры прочный пьедестал.

Сюда машине не пробиться...
Еще немного — станет здесь
опора серебристой спицей
на фоне яростных небес.

И провода сюда протянут,
и вот они скользнут туда,
где за высоким перевалом
аулы ждут и города.

Ведут ребята ЛЭП отважно,
чтоб свет,
рванувшись с высоты,
в долинах распустил однажды
огней счастливые цветы.

МОНТАЖ ТУРБИНЫ

Кто видел,
как монтируют турбину?
Точней искусства
и не может быть,
чем ротора стотонную махину
с микронной точностью
в опоры посадить.

Опутанный стальной паутиной,
покачиваясь,
ротор вниз ползет
по сантиметру в час.
И та картина
щекочет нервы
и по сердцу бьет:

а вдруг сорвется,
вдруг сомнет,
разрушит?!

И веришь,
что расчет не подведет,
а все-таки
тревогой ранит душу
гиганта мерный выверенный ход.

Зато потом
какое восхищенье,
когда уже на месте он стоит —
пока еще спокойно,
без вращения —
и медь обмоток весело горит!

ПУСК

И вот уже тоннелем вниз
пошел поток!

Я представляю:
ему лопатки подставляет
турбина:

ну-ка, навались!

Поток сильней,

мощней поток —

и ротор шевельнулся,

дрогнул —

есть первый круг!

Есть первый ток!

Все точно по научным догмам.

И в этот миг,

когда накал

растет

и в путь пошла турбина,

кто же из нас не испытал

восторг —

мурашками по спинам?!

Что удивительного в том,

что каждый —

как источник света?

Мы счастьем называем это

и свету силы отдаем.

ПЛОТОГОНЫ

Туманы стынут, как мосты,

над всем ущельем длинным.

Надежно сбитые плоты

река несет в долину.

Желтеют бревна в бурунах,
взлетают вверх с разгона,
упруго гнется шест в руках
гуцула-плотогона.

По скользким бревнам мчит вода...

Тревога вдруг пронзила:

казалось, с лету навсегда

плот к берегу прибило,

вот-вот о скалы разобьет —

гуцулу нет спасенья!

Но шест мелькнул — умчался плот

по быстрому теченью.

Мне это не забыть вовек:

сквозь грохот непрерывный

летит на бревнах человек

под арками тумана.

Летит.

Ему неведом страх.

Взлетает плот с разгона.

Упруго гнется плот в руках

гуцула-плотогона.

АПТЕКА

Наташе

Идет ли снег,

дожди ль в окне полощутся,

гудят ли окна от ветров шальных —

открыта дверь

на привокзальной площади

в любое время суток для больных.

Здесь в мире колб, пробирок
по рецептам
вершится скромный незаметный труд:
лекарства здесь готовят фармацевты
и много жизней в этот день спасут.

Горят спиртовок
голубые звездочки...
Сидит моя сестренка у окна,
и трудится она сосредоточенно,
загадочными мыслями полна.

От колдовства есть что-то
в этом деяньи:
кипит раствор,
и розовый парок
восходит к потолку —
вот так из семени
восходит удивительный росток.

Сестренка!
В нашем деле,
без сомнения,
есть общее:
лекарства и слова
несут в себе самих
выздоровление —
будь сильным, тело,
ясной, голова!

А это —
и ответственно, и важно.
Себе мы сами —
совесть, честь и суд.
Кому-то пусть слова мои однажды
в ненастный час
надежду принесут!

СЕВЕРНАЯ ДОРОГА

Циклоны и антициклоны
над трассой свирепо гремят.
А горы, как злые циклопы,
на трассу угрюмо глядят.

Машины потемки таранят:
ребята уходят в пургу,
где новую станцию ставят,
где воет река на бегу.

Дорога петляет по склону.
«Колхиды»,
«КамАЗы»...

А вот
райкомовский «козлик» зеленый
натужно за ними ползет.

Полуторка парты для школы
везет в небольшой городок.
И сполохи сварки веселой
над Севером полдень зажег.

* * *

Загудели лесные увалы:
пролетает тяжелый состав.
А ребята на лесоповале
у костра отдыхают, устав.

Сало, лук да ломоть развернули.
До чего здесь в охотку еда!

Снег шипит, оседая в кастрюле,
и стреляют дрова иногда.

Напряженно деревья застыли,
словно знают:
отсрочка мала —
скоро взвизгнут горячие пилы,
потечет, оплавляясь, смола.

А вдали громыхают составы —
и уносятся бревна туда,
где сегодня дома вырастают,
где под небом встают города.

Там однажды ребенок, играя,
на двери или раме иглой
краску белую расковыряет —
и несильно запахнет смолой.

* * *

Часто, гоняясь по свету за чудесами
в поисках разной экзотики:
ледовых вершин и старинной готики,
цветов, дурманящих, как наркотики —
забываем,
что главное чудо мы сами.

РИСУНОК

Мальчишка весь измазан мелом —
он занят настоящим делом:
рисует на асфальте мелом
кораблик белый с дымом белым.
Там белая волна встает,
там в небе —

белый самолет,
там над волною —
белый берег
той из мальчишеских Америк,
где только белые дома,
белы и лето, и зима,
в лугах — трава,
в лесах — деревья,
все города и все деревни.
Рисует он картинки эти —
а видит мира многоцветье,
и радугу,
и свет,
и тьму...

И я завидую ему.

* * *

Пойдем ли все,
что рассказать хотели
времен давно прошедших мастера?
За те века, что мимо пролетели,
понять бы,
разобраться бы пора.

Но до сих пор мы спорим, мы гадаем —
кто близок к истине,
кто от нее далек.
И не при чем нас разделивший срок —
мы часто и себя не понимаем.

* * *

Может,
из всего, что было в жизни,
а она, увы, щедрa на зло,
самый верх бесстыдства и цинизма —
радиомаяк,
где «Болеро»
наводило самолеты точно
на японский город, чтобы вмиг
светлый день
смешать с холодной ночью...
Или лагерь,
где скрипач-старик
Штрауса весенние мотивы
возле крематория играл.

Люди отгорели.
Звуки живы.
Кое-кто готовит новый бал...

Оторвать бы дьявольские руки,
чтоб Равель и Штраус никогда
непричастны были к смерти, к мукам —
ведь они сгорели б от стыда
за двуногих, кто придумал это:

музыку,
с которой радость — жить,
музыку,
в которой столько света,
богу смерти заставляя служить.

* * *

Как жили,
как живут,
как будут жить?
Раздумий удивительная нить
протянется по строчкам,
по словам,
в грядущее умчит,
вернется к нам,
и где-то
меж затерянных дорог
свернется
в нераспутанный клубок.

Не терпит неразгаданного мысль!
Нетерпеливо рвется вглубь и ввысь —
распутать,
разгадать,
раскрыть секрет:
задач неразрешимых в мире нет!

И в самом деле:
где же тот клубок?
Нить потянулась слова.
Путь далек.

Столетия летят.

Найти!

Решить!

Как жили?

Как живут?

Как будут жить?

УГОЛОК СТАРОГО МИНСКА

Рыбьей чешуей блестит булыжник,
аккуратно вымытый дождем.

Я иду.

И с каждым шагом ближе

старый переулок,

дряхлый дом,

ветхая прогнувшаяся крыша,

церковь,

монастырская стена...

Только в этом уголке и дышит,

и живет тихонько старина.

Сжалось время

в крохотный комочек,

и дрожит,

и тяжело молчит,

словно грозы все,

все злые ночи

в тайниках своих оно хранит.

Поделись,

открой нам тайны эти!

Не молчи угрюмо,

тяжело!

Было много зла на белом свете —

мы живем,

чтоб не вернулось зло.

Все здесь далеко —

и все здесь близко,

рядом —

и в далекой старине.

Тысячи историй камни Минска

до сих пор не рассказали мне.

Вот они:

застыли неподвижно

старый переулок,

дряхлый дом.

Рыбьей чешуей блестит булыжник,

аккуратно вымытый дождем.

Чем-то этот уголок мне дорог —

стал он уголком моей души.

Ухожу.

Возносит юный город

к небу голубые этажи.

ГРУЗИНСКАЯ ЧЕКАНКА

Как это просто:

ток-ток

молоток,

бронзовый ковш сам собой повернулся.

Легкий удар —

и чеканный цветок

вдруг распустился и улыбнулся!

Штрих за штрихом,

лепесток к лепестку.

И незаметно металл оживает.

Я прикасаюсь рукою к цветку —

вдруг он тепло в мою руку вливает.

* * *

Пока существует незримая связь
меж лесом и лугом — и мною,
та песня,
что в сердце моем родилась,
не станет глухой тишиною.

Пока по изгибам коры на стволах
фантазия радостно бродит —
пусть прячется старость
в далеких углах
и в душу на миг не заходит.

Пока разделяю с любимой моей
и будни, и праздники —
верьте:

и почь нипочем мне,
и каждый из дней
вольется мне радостью в сердце.

Бывает, оплачется горестный час,
метелица ухнет совою —
пока остается незримая связь,
душа остается живою!

* * *

Сквозь многое проходят люди —
лишь крепче держатся потом
за землю,
где их путь так труден,
где их руками срублен дом.

И я твержу:
да будет Солнце,
да хватит мужества в пути
крошечный ад, коль доведется,
мне без отчаянья пройти!

* * *

Много ли,
немного
отпущено нам, —
пусть ведут другие
счет этим дням.
Мы считать не будем —
жаль время терять:
не так уж его много,
чтобы считать.
Будем жить.
Работать,
ходить да смотреть.
Хочется потрогать
осеннюю медь,
зимнюю искристую снежную

гладь.

Хочется многое
увидеть и взять.
А сильнее хочется —
другим подарить
если не дорогу,
то тропочку — нить.
Чтоб сплелась из нитей
дорога вперед —
счастливая дорога,
не наоборот!

СОДЕРЖАНИЕ

- *** Когда поймешь, как связь крепка... 3
- I. Из мая в май**
- *** Памяти наперерез... 5
- *** Как опара свежего замеса... 6
- *** Зеленотканые луга... 6
- *** Был такой обычай... 7
- *** Будто быстрый табун... 8
- *** Вот и ты покатила-поехала... 9
- Сны 10
- Послевоенное чтение 11
- Кинохроника сорок четвертого 11
- Пулково 12
- *** В тылу, в Ката-Кургане изможденном... 13
- После войны 14
- На Мамаевом кургане 15
- Уроки военного дела 16
- На Березине 17
- *** Все дорогое сохраняю в целости... 17
- *** Опять весенние рассветы... 18
- Замерзшие водопады 19
- Вечером 19
- *** Здесь, где камнепадом угрожает... 19
- *** Какой бы взрыв ни пошатнул упрugo... 20
- *** Как скромны наши матери... 20
- *** Час предвечерний на краю села... 21
- На базар 21
- Плес 22
- *** Желтых, красных, голубых... 23
- Горькушки 24
- Предзимье 25
- Брусника 25
- *** Исподволь, понемногу... 26
- *** Дела зимы пошли вдруг прахом... 26

Она и я 27

- *** Уже не будет нас 28
- *** Когда придет пора... 29
- *** В первоначальный миг движения сока... 29

II. Соприкосновенья

- *** Людей общенье — соприкосновенья... 30
- *** Чем дальше ухажу... 31
- У кульмана 32
- *** Натягивая нить сильней... 32
- Над дорогой 33
- Перекрытие 34
- ЛЭП в горах 36
- Монтаж турбины 37
- Пуск 38
- Плотогоня 38
- Аптека 39
- Северная дорога 41
- *** Загудели лесные увалы... 41
- *** Часто, гоняясь по свету за чудесами... 42
- Рисунок 43
- *** Пойдем ли все, что рассказать хотели... 43
- *** Может, из всего, что было в жизни... 44
- *** Как жили, как живут, как будут жить?.. 45
- Уголок старого Минска 46
- Грузинская чеканка 47
- *** Пробьется талант непременно... 48
- *** Нет доли больше на свете... 49
- *** Вечными заверчены делами... 49
- Липень 50
- *** Это неправда, что следом идущим... 50
- *** На непромеренных снегах... 51
- *** Пока существует незримая связь... 52
- *** Сквозь многое проходят люди... 52
- *** Много ли, немного отпущено нам... 53

Ганкин Б.
Г19 Неразделимость: Стихи.— Мн.: Маст. лит.,
1982.— 55 с.

20 к.

Основная тема новой книги Б. Ганкина — неразрывная связь человека с судьбой Родины, ее прошлым, настоящим и будущим. В книге много стихов о стойкости в годы испытаний и радости созидания, об удивительной природе нашей земли, о дружбе и любви.

Г 70402—006 — 45—82
М 302(05)—82

ББК 84 Р 7
Р 2

Борис Аркадьевич Ганкин

НЕРАЗДЕЛИМОСТЬ
Стихи

Редактор Ф. М. Черня. Художник В. В. Довгань. Художественный редактор Е. М. Малышева. Технический редактор Е. В. Бородина. Корректор Я. Ф. Харьков.

ИБ № 1289

Сдано в набор 10.07.81. Подп. к печати 27.10.81. АТ 07671. Формат 70×90^{1/32}. Бумага тип. № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Высокая печать. Усл. печ. л. 2,05. Усл. кр.-отг. 2,26. Уч.-изд. л. 2,15. Тираж 8000 экз. Зак. 1782. Цена 20 к.

Издательство «Мастацкая літаратура» Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220600, Минск, проспект Машерова, 11.

Минское производственное полиграфическое объединение им. Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.

20 к.